

Алла Гербер:

Моск. правда - 1993, - 11 дек. - с. 2

С человеческим лицом о человеческом достоинстве

Известный кино- и литературный критик, писатель — кандидат в Государственную Думу по Северному округу от блока «Выбор России»

Всю жизнь с детства она мечтала создавать искусство. Сначала — думала об актерской карьере, и Ростислав Плятт, и Георгий Менглет в актерских кружках предсказывали ей «ой какое будущее». Потом Алла поступила на юрфак: ведь адвокатура — это тоже театр одного актера.

Закончила юрфак, но юристом, как дядя — знаменитый адвокат, — не стала. Писать начала еще в институте. В институте же упоенно танцевала — вплоть до отчисления за рок-н-ролл и бодрого «крокодильского» фельетона «Сбачаем фоксик, Аллочка!». Игра в театр так и осталась для нее на всю жизнь чем-то невероятно важным...

Писать начала в «Московском комсомольце». Первый материал в журнал «Юность» сдала В. Катаеву в его последние дни работы. Он прочел и сказал: «Очень хорошо», — потом сделал паузу и добавил: «Для «Нью-Йорк таймс»».

— Всю дальнейшую жизнь, — говорит Алла Гербер, — я занималась тем, что писала как бы для «Нью-Йорк таймс», но так, чтоб это было напечатано у нас.

Она была первой, кто написал «О бардах и менестрелях» — в той же «Юности». Вела первый вечер авторской песни в Политехническом. Первой же написала о движении молодежных кафе и клубов... Алла Гербер везло (или предчувствие было верным): многие ее шаги оказывались первыми — или очень важными — в судьбе интеллигенции, развития общества, искусства...

Она работала в «Журналисте» с Егором Яковлевым, вместе со всей командой оказалась на улице в 1969-м. На киностудии им. Горького за три года работы научилась пробивать договора практически с любым из не печатаемых тогда авторов...

Ее первый материал о кино был посвящен съемкам «Зеркала» Андрея Тарковского. Тогда в «Советском экране» была целая школа — Татьяна Хлопьякина, Виктор Демин, Елена Стишова, Алла Гербер — школа критики как литературы, которая с помощью кино несла разумное, доброе, вечное.

— И не случайно во всех моих статьях в 60—70-е годы нет ни одного слова «советский» или «партия». Я безумно счастливый человек: никогда не делала карьеры и потому за всю жизнь —

ни одного заказного материала. То, о чем говорила моя мама: «Мы были нищие, но свободные».

С перестройкой Алла Гербер — человек оттепели — опять поверила в то, что можно что-то сделать. Участие в независимом писательском «Апреле», знаменитый процесс против Г. Оставили (когда никто не хотел этим заниматься)...

— А я дала клятву памяти всех погибших (одна ветвь моей родни — Бабий Яр, другая — одесское гетто). Это был первый антифашистский процесс в нашей стране, вообще первый процесс общества против государства. Потом с трудом удалось добиться, благодаря Сергею Ковалеву, первых парламентских чтений по антисемитизму...

Я себе сказала: если я хочу жить в этой стране, я должна эту страну уважать.

Я не хочу, чтобы люди моей национальности или какой угодно другой считали себя в этой стране людьми второго сорта и «сидели тихо».

— Откуда у вас такая уверенность, что это все получится?

— Я знаю только одно: повернуть эту машину обратно можно только большой кровью. Моя надежда — на здравомыслящих людей, которые поймут, что обратно — только в войну, в беду, в катастрофу.

Почему я согласилась участвовать в выборах? Это не мой шанс в биографии. Не моя амбиция. Мне не нужна слава «человека Думы». Я считаю, что мак-

симально нормальные люди с мозгами и образованием должны создать на эти два года максимально спокойную обстановку в обществе — чтобы правительство за это время двинуло машину дальше. Мы должны обеспечить своим нормальным спокойным интеллектом стабильность, свободу этому правительству — для нормальной его работы.

Я согласна с главными постулатами программы блока «Выбор России». Сейчас надо остановить инфляцию, а все остальное — пустые слова.

— Ваши личные приоритеты?

— Мое поколение. Оно очень много вложило в страну — 30—40 лет работы. Я хочу, чтобы оно имело спокойную старость. И дело не только в пенсии. Я хочу помочь поколению спокойно и достойно дожить. И, конечно, моя боль — культура и наука.

Капитализм? Да, и эта система не идеальна. Для меня главным всегда было понятие человека — его достоинство и его права. И я прекрасно понимаю: капитализм, естественно, больше гарантирует права человека, его личную независимость, его свободу — и в этом смысле эта система меня устраивает больше. Я думаю, что когда человек сам хозяин какой-то своей даже микроситуации — он уже хозяин самому себе. Я считаю, что эта ситуация способствует укреплению человеческого достоинства, и тем она для меня важна.

А. БОГОМОЛОВА.